

Виктор Кукушкин

Личное. Далёкое. О предках. Мои истории

Виктор Юрьевич Кукушкин Личное. Далекое. О предках. Мои истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62972603

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98896-5

Аннотация

Воспоминания о том, что отошло, о чём уже можно и хочется вспомнить. Документальные эссе о личном.

Содержание

О предках	4
Про родителей и про детство	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виктор Кукушкин Личное. Далекое. О предках. Мои истории

О предках

22 июня 1941 года. Дед, наверное, работает на тракторе в поле, бабушка – с детьми или на огороде. Дед сначала был учителем, потом (стало модно) пересел на трактор. Бабушку вместе с семьей в 1929, в год «великого перелома» раскулачили и сослали на рудники Урала в район Перми. Восемнадцатилетней она таскала тележки с рудой, она потом об этом рассказывала. Дед вступил в комсомол, стал активистом и добился того, чтобы бабушку, его невесту, освободили из ссылки и вернули обратно. Правда дом семье бабушки не вернули. В доме сделали школу, туда потом ходили их дети.

22 июня 1941 бабушке с дедушкой уже по тридцать, у них четверо детей, все мальчики, младший – мой папа, ему годик. Не зря говорят, перед войной рождаются в основном мальчики.

Дед Кукушкин Никандр Григорьевич, пройдя небольшую реперподготовку, пересел с трактора на танк и попал подо

Ржев в печально известную 33 армию, в Вяземский котел (говорят, одна из страшных битв той войны) оттуда первая медаль «За оборону Москвы».

Второй дед Строганов Леонид Филиппович до войны живет в Риге, скорее всего, один из руководителей старообрядческой общины Латвии (по материалам съезда старообрядцев Латвии конца 20-х годов он в составе президиума). Когда в Ригу вошли немцы уехал в заволжские леса в деревню Богоявление, там 29 марта 1945 года и родилась моя мама Нина.

Такие разные судьбы. Дедушка Никандр прошел всю войну с 1941 по 1945 и вернулся домой с Победой! И дед Леонид, вернулся в Ригу, от его рижской семьи маме с бабушкой незадолго до моего рождения приходили письма – мы рады, что у нас есть русская сестра, приезжайте в Латвию, нам всё вернули, мы вам подарим дом. Бабушка Анна эти письма изорвала, возможно, была обида, не знаю.

Говорят, во время той войны по статистике солдаты погибали через несколько дней, младший комсостав – через несколько недель, старшие командиры – спустя несколько месяцев. Дед был призван рядовым в первые дни войны, прошел от Москвы до Берлина, под командованием Жукова брал Берлин. После войны они с бабушкой родили и воспитали ещё шестерых, теперь больше рождались девочки. Все-

го у них родилось десять детей – Александр, Николай, Виктор, Юрий (мой папа), Тоня, Нина, Галя, Зоя, Василий, Владимир. Рождались через год. Во время войны была пауза, после войны родилась сразу двойня (одна из них, тетя Тоня, сейчас живет в Москве, другая, тетя Нина – на Украине, в Краматорске).

Подвыпив, дед под гармошку часто пел матерные частушки, а про войну говорил так: «справа танк, слева танк, а мой танк самым первым в Берлин зашёл!» И больше ничего про войну не рассказывал. Ездил на встречи с боевыми друзьями и хвалил маршала Жукова, говорил, что после войны он должен быть бы главой государства, что его армия и народ поддерживали, за что Жуков и попал в опалу. В качестве трофея дед привез из Германии набор открыток «Немецкие колонии». Теперь они хранятся у меня. Позже, когда я гулял по Берлину, приехав на кинофестиваль, думал – где-то здесь весной 45-го гулял мой дед!

У бабушки Клавы, папиной мамы, девичья фамилия Бабушкина. Уже писал, что почти всю их семью в 1929-м сослали на рудники Урала. Потом дети вернулись. Вслед за бабушкой из пермской ссылки в Семёнов вернулся её брат дедушка Костя. А бабушку Нюру, младшую сестру бабушки Клавы не повезли после раскулачивания на Урал, была слишком мала, боялись – погибнет. Её приютила одна из семей в деревне Хахалы. Позже бабушка Нюра вышла замуж за маль-

чика из той же семьи – Евлампия. Я заезжал с отцом к ним в гости. Красивые, добрые лица. Чистая светлая изба, герань на окнах. Вышитые подушки на кровати, заботливо уложенные одна на другую. Своими руками сотканые половики, занавески на окнах, вязанные крючком. Мясной суп из соленого мяса с картошкой, томленный в чугушке в русской печи. Резное крыльцо, резные наличники, крашенные синим. Валенки, сохнувшие на досках забора вместе с трехлитровыми банками и кринками. Всё что я запомнил тогда. Детей у них не было. Кстати, что касается деревни Хахалы, по легенде названа она в честь разбойника из отряда Стеньки Разина, Хахаля, так его звали. Говорят, он заплыл с Волги до этой деревни на Керженце, чтобы спрятать награбленное, и что где-то в лесу в болоте в стороне от деревни до сих пор хранится клад Стеньки Разина. Стоит даже в том лесу сосна Стеньки Разина, местные старожилы указывали. В подтверждение истории о разбойниках ближние озёра носят название Ватага, Ватажка, Братки, Омут Большой, Омут Малый.

А нынче почудилось: конь, бездорожье,

бревенчатый дом на реку,

И нет ничего, и не сыщешь дороже

такому, как я, – дураку... – это стихи поэта Бориса Корнилова. По мнению писателя Захара Прилепина, «бревенчатый дом на реку» – дом в деревне Хахалы. Туда, в эту деревню, ходил поэт пешком из Семёнова в начале двадцатых годов прошлого века для встреч со своей любимой девушкой. То-

гда же, там же в Хахалах, жила моя бабушка Клава. Она была моложе девушки Бориса Тани Степениной на три года. Не исключено, что знала её, в деревне все знают друг друга. Может даже встречалась и с будущим автором «Песни о встречном», ставшей спустя десятилетие гимном 30-х годов. Конечно же, встречалась. Лето вся деревенская молодёжь проводила на берегу Керженца, наверняка, случалось общение с Борисом и Таней на речке. Могла ли бабушка тогда подумать, что этот паренек, который на три года её старше, станет вскоре первым поэтом большой страны и будет расстрелян, а бабушка переживет своего ровесника более чем на шесть десятилетий и заглянет аж в двадцать первый век? Возможно, бабушка даже не ассоциировала того мальчика с автором «Песни о встречном».

В деревне Хахалы до сих пор стоит дом, тоже «бревенчатый дом на реку», откуда выслали семью бабушки Клавы, до недавних пор в нём была школа и общежитие при школе для учеников из соседних деревень. Некоторые мои дяди и тети потом тоже учились в этой школе. Рассказывала ли им бабушка, что здание школы, где они учатся, некогда было домом её семьи? Тогда, наверное, нет, не рассказывала, оберегала, но слухи, возможно, доходили. Каково было самой бабушке видеть родительский дом, куда она стала водить своих детей учиться? Хотя, наверное, благодарила бога за то, что выжила и вернулась. А могилка хозяина дома прадеда Матвея где-то далеко на Урале.

Вернувшись с Урала, бабушка некоторое время жила у тетки Августы в райцентре Семёнов, когда они с дедом Никандром поженились, переехала с мужем в соседнюю от Хахал деревню Заскочиху. Дом мужа оказался не меньше родительского (дом дедушке Ликаше перешёл по наследству от отца, моего значит прадеда, Николая Кукушкина) 11 комнат, множество икон, большая библиотека. Там и родился мой папа. Рядом в соседней деревне Лыково дом ещё одного отца деда, Григория Чечулина. Несколько слов о нем.

Вообще-то у дедушки Никандра, можно сказать, два отца, а у меня по линии деда, получается, два прадеда. Как такое могло случиться? У одного прадеда Николая Васильевича Кукушкина не было детей. Он был лесопромышленник, жил в деревнях Лыково и Заскочиха. Скорее всего он и основал Заскочиху, как заимку, где рубили лес, выстроил там самый большой дом, благо лес под рукой. Слышал про него такую историю. Когда у одного мужика в деревне умерла лошадь, а без лошади семье в лесном краю никак, прадед купил мужику лошадь. Сказал, деньги возвращать не надо, но зимой поработаешь у меня на заимке на своей лошади. Так вот, у Николая Васильевича не было детей. В соседях жила многодетная семья Яшиных. 10 детей. Николай Кукушкин взял у них дочку-Onисью, и воспитало как свою. Воспитал и подыскал мужа, выдал замуж тоже за лесопромышленника. У знакомого лесопромышленника Чечулина из Сибири сына сосватал. Привезли-Onисье мужа из Сибири на Керженец. И

поставил им прадед одно условие, когда родится первенец, отдать на воспитание первенца ему в дом, чтобы тот получил его фамилию и наследство. Родился мой дед Никандр (дедушка Ликаша, как я его звал в детстве). У того все братья родные остались Чечулины, а он стал Кукушкин. Я долго потом не мог понять почему так, потом объяснили.

У прадеда была большая библиотека, множество икон, фарфор. Жаль, ничего из того наследства не сохранилось. Война, потом революция, потом новая война. Потом, когда все дети разъехались по большой стране и создали свои семьи, дом разобрали по бревнам и отдали, перевезли в районный город Семёнов, там восстановили. Где-то и сейчас стоит.

Чечуля по Далю – большой ломоть хлеба или пирога. Прозвище давали крупным здоровым людям. В некоторых говорах наоборот такое прозвище давали изнеженным детям. Фамилия распространена по стране. Архитектор Чечулин, например, был главным архитектором Москвы, автором некоторых станций метро, соавтором сталинских высоток.

Лыково деревня знатная, на высоком берегу Керженца. Отсюда предки отца сплавливали лес к устью Керженца, к Макарьевскому монастырю, где проходила самая крупная ярмарка в России, карман России – так ещё её называли. Ещё по поводу деревни Лыково: корреспондент «Комсомольской правды» В. Песков нашел семью кержаков старообрядцев Лыковых в дальней Сибири. Об этом в советское время мно-

го писали. Писали, что они сознательно ушли от цивилизации, и что предки их из этой деревни Лыково, что стоит на Керженце в Семеновском районе Нижегородской области.

Редко где сейчас, распахивая поля, обнаруживают не снаряды и мины, а старинные монеты, кресты и иконы. На Керженце так.

Во время войны в семье отца случилась страшная трагедия. Когда бабушка ушла в поле за коровой (а корова была кормилицей для четверых маленьких сыновей), один сын Витя умер от осложнения аппендицита. Его все очень любили, это была страшная трагедия, не знаю, как уж потом бабушка сообщила мужу на фронт о случившемся. Когда старший сын дядя Саша вырос и создал семью первенца он назвал Виктор в честь умершего во время войны брата. И тот тоже умер. Могилка его с маленьким крестиком на кладбище в Лыково на высоком берегу Керженца. Кто-то, не в семье, деревенские, сказали, что это какое-то проклятие и в нашей семье больше никого нельзя так называть. Папа не послушал и тоже назвал меня Виктором. Потом Виктором, похоже, не назвали никого.

Мне не было года. Родители жили в подвале, своего жилья у них ещё не было, маме девятнадцать, папе двадцать четыре. В подвале сыро. Как-то отец зашёл видит, я почернел и задыхаюсь. Молодой папа схватил меня и побежал в

больницу за помощью. Врач Архангельский сказал «мужик растёт, надо спасать, быстро в операционную». Резали много, гланды, полипы, спасли. Я ничего не помню, мне было меньше года. Потом уже старше, помню, ходил к врачам, всё продолжали вырезать.

После того случая меня отвезли к бабушке Анне по маминной линии в деревню Богоявление, где и прошло моё детство. Да была в СССР деревня с таким названием – Богоявление. На реке Керженец, за Волгой. И сейчас есть. Когда её хотели переименовать, жители вышли на защиту. Правда, церковь превратили в клуб, потому село и стало деревней. Вместо алтаря повесили экран и начали крутить фильмы, большое советское кино. До школы я ходил в этот клуб, смотрел почти все фильмы.

Когда стал себя осознавать, со стороны деревенских до меня доносилось, «латыш», это, стало быть, моя кличка. Так в три года я узнал про кличку. Латышский, латинский – это, наверное, какие-то общие синонимы, латынь – что-то несуществующее – проносилось в моём детском мозгу. Не понимал, почему меня так называют, ни у кого не спрашивал и даже не хотел. Посчитал, что загадка идет из прошлого, ещё до моего рождения. Мир ведь существовал и ранее, да и настоящее ещё было чуть видно, не было даже воспоминаний.

В Богоявлении стал узнавать родственников по маминной

линии. Бабушка Анна Сулоева, она меня воспитывала первые семь лет, её сестра бабушка Лёса, братья дедушка Роман и дедушка Саша.

Дед Роман Сулоев, старший брат бабушки Анны, в юности, поговаривали, был активистом новой власти, раскулачивал чуть ли не будущих родственников из далёких деревень, отбирал зерно и скот. Видел деда Романа всего раз. В старой избе на пригорке рядом с церковью (тогда ещё клубом). Раз он был старшим ребёнком, значит, изба досталась от родителей. Покосившееся никогда не крашеное крыльцо. Суровый бородатый сухощавый старик за печкой, такая же суровая худая жена. Мама вошла в избу вместе со мной, выставила меня перед собой, представила деду Роману нового родственника. Не помню, чтоб нас пригласили в дом. Везде сурово и аскетично, даже б сказал, бедно. Детей у него не было. Когда он умер, узнали, что он очень богат. Что-то досталось и нам на память. Мне радиола, где я проигрывал пластинки и слушал радио «Свобода», вещавшее из Америки на Советский Союз, это радио тогда глушили, потому интересно было слушать.

Дедушка Саша, брат деда Романа, жил ниже по улице в соседнем доме и не ходил на брата, можно сказать, был его противоположностью. Прислали недавно его фотографию, где он в возрасте, лысый, с орлиным носом, в костюме стоит в центре группы на какой-то партконференции. За давностью лет уже с трудом вспомнил его лицо, сначала подсказа-

ли, потом вспомнил. Бабушка у семьи деда Саши брала для меня молоко. Когда я стал старше, сам стал ходить к ним за молоком. Дедушка Саша часто сидел у печи с самокруткой. Приглашал меня сесть рядом, крутил мне такую же, но пустую самокрутку, начинал разговоры. Помню, когда хоронили их старшую сестру бабушку Лёсу из соседней деревни Елисеево, видел сына дяди Саши. Тот тоже приехал тетку хоронить. Приехал на статусной «Волге» с водителем. Лицо открытое. Сказал, что работает директором на каком-то заводе в Горьком, я ответил, что учусь в театральном институте. Так мы впервые познакомились и больше никогда не виделись.

Я уже рассказывал про этимологию фамилии Чечулин, что носили мои предки по папиной линии. Теперь про фамилию Сулоев. В деревне «сулоем» называли кисельный раствор. Такая сладкая вода рядом с дрожющим киселем. Маленьким, я его любил пить, сам кисель не любил. Его готовили раз в год специально на христианский праздник. А вот что написано в Интернете: «Сулоем называли человека, охочего до суля, гущееда. Это прозвище особенно было популярно в Новгороде. Однако сулоем также называли и водоворот, спорное, встречное, течение. Следовательно, прозвище Сулой мог получить человек бурного нрава, либо тот, кто жил на стремнине. Одно из первых упоминаний прозвища относится к началу XVII века: в «Ономастиконе» С.Б. Веселовского записан Сулой Богдан, крестьянин, 1606 г., Ниж-

ний Новгород». Кстати, примерно к этому времени «к 1619 году относится известие о (цитата): «богоявленском селище» в верховьях Керженца, на месте, должно быть, нынешнего села Богоявление, километрах в 30 от Светлояра» (В.Л. Комарович «Китежская легенда» 1937г). Богоявление, стало быть, старше районного центра города Семёнов, ныне города областного значения, столицы «Хохломской росписи».

О своем втором деде я не знал ничего, и только во время последней встречи с мамой она мне рассказала, будто предчувствовала.

Мамин отец, Строганов Леонид, в отличие от папиного отца, дедушки Ликаши, не воевал с фашистами, так как на начало той войны был гражданином другого государства, жил в Латвии, в Риге. С началом войны (то ли с приходом советских войск, то ли после вторжения фашистов) по точной причине мне неизвестной он оставил всё и уехал в Керженские леса за Волгу. Скорее всего, уехал на родину предков. Здесь он познакомился с моей бабушкой уже не Сулоевой, а Корытиной Анной. Но мужа своего она тогда уже потеряла, погиб во время сплава леса, осталась с маленьким сыном на руках. У Леонида и Анны 29 марта 1945 года родилась дочь Нина, моя мама.

После войны дед Леонид вернулся обратно. Потом его семья писала, мы рады, что у нас есть русская сестра, приезжайте, нам всё вернули, мы вам подарим дом. Письма ста-

ли приходиться перед твоим рождением, заключила мама, но мы те несколько писем изорвали. Адрес, откуда шли письма, мама запомнила. Может, ещё жив твой дед, может, найдешь его? И она протянула мне бумажку, где своей рукой написала «Строганов Леонид Филиппович. Латвийская ССР, город Огре». Это пригород Риги. Ни дома, ни улицы, к сожалению, нет. И тут я понял, почему в детстве в деревне, где я воспитывался у бабушки, меня называли «латыш». И ещё до меня вдруг дошло – мама моя жила без отца. Она никогда не жаловалась, никогда никого не винила, всегда стремилась отдать последнее.

Это была моя последняя встреча с мамой, через три месяца у неё случился инсульт, прямо перед 61-м днём рождения. Она ждала меня в гости на день рождения, пошла с внучкой, моей племянницей на рынок, но с рынка так и не вернулась.

Про фамилию Строганов. Покопавшись в интернете, увидел, родословная идет аж от богатыря Добрыни Никитича из Пскова. У фамилии много ветвей, это и графские рода. Самая богатая русская семья. Была спонсорами царя. На деньги Строгановых, говорят, завоевали Сибирь. Самый красивый дворец в Санкт-Петербурге – Строгановский дворец. Строгановы – это и известное русское блюдо бефстроганов и строгановская школа иконописи. Что касается Нижнего, моей родины, там стоит очень красивая Строгановская церковь, построенная у Волги, недалеко от Нижегородского Крем-

ля, такой Нижегородский храм Василия Блаженного. Один из красивейших православных храмов. Изначально строился как домовая церковь купца Григория Строганова. В поисках своих латвийских родственников обнаружил, что во времена Петра Первого Григорий Строганов был генерал-губернатором Риги, Минска и Москвы. Может, от этой ветви и мой дед? Хотя так, конечно, родственников найти сложно, чаще всего бывают однофамильцы или очень дальние колена. Чтобы точно определить родство используют генетическую экспертизу. Я пока не нашел близких родственников своего родного деда, Строганова Леонида Филипповича, попытки оказались неудачными. Единственные Строгановы в городе Огре сказали, что о нём не знают. В одной из книг конца двадцатых годов прошлого века увидел упоминание о нём. Речь шла про съезд старообрядческий русской общины Латвии, дед сидел в президиуме.

А фамилия у мамы замечательная! Славная русская фамилия, одна из многих русских фамилий. Хотя, когда пришло время получать маме паспорт, бабушка Анна, недолго думая, вопреки свидетельству о рождении записала маму случайной фамилией со звучащим смыслом – Смирнова. Так и была мама несколько лет с этой фамилией, пока не получила фамилию папы – Кукушкина. Тоже фамилия в некотором смысле по воспитателям, не зря в народе говорят – родители те, кто воспитал.

Дедушка Кукушкин Никандр Григорьевич ушёл от нас в феврале 1984-го. Мне тогда было девятнадцать, служил в армии срочную службу, на черноморском побережье Кавказа.

Вот нашел письмо записку бабушки Клавы, которую она мне прислала, когда меня отправляли в армию. Она отправляла деда на войну, тут другое, но не могла не написать.

«Здравствуйте мои дорогие Юра, Нина, Витя и Надя. Низко, низко кланяюсь. Всем по низкому поклону, а дорогому нашему сыночку милому и до свидания, и до свидания, целую крепко милый сынок, и до свидания Витя. Еще раз до свидания. Придется ли еще встретиться Витенька. Писала бабушка. Хочу пожелать хорошего здоровья, послужить благополучно и вернуться домой. До свидания».

Деда не стало, отец прислал телеграмму. Но пограничников в то время в отпуск домой не отпускали. Только в исключительным случае – на похороны родителей. Похороны деда не считались исключительным случаем. Не помню, кто выступил инициатором, но начальник Новороссийского погранотряда полковник Цибулин дал мне два дня отпуска. Начальник политотдела по каким-то там установленным правилам мог от себя тоже в случае крайней необходимости дать два дня, и полковник Белов тоже дал мне два дня. Майор отдела кадров (жаль, фамилию не запомнил), оформлявший мне поездку, посчитал время на дорогу и добавил ещё два положенных дня и, расстегнув свой кошелек дал пятьдесят рублей, посоветовав лететь на самолете, так время сэконом-

лю. Каждому солдату срочнику (кроме пограничников) в то время выпадал отпуск, кажется, на десять дней, я насобирав шесть.

На похороны я опоздал. Но с бабушкой в тот жуткий морозный день в посёлке Рустай на могилку деда ходил. Так дед, не желая того, отправил меня в отпуск из пограничных войск. А я в очередной раз убедился, сколько вокруг хороших людей, готовых в трудную минуту прийти на помощь.

Перебирая воспоминания, ещё раз увидел, какие имена были у моих предков. Минодора и Лира. Бабушку деда звали Федосья, маму – Онисья. Тетю бабушки Клавы, у которой она некоторое время жила после пермской ссылки – Августа. Были у родственников и такие имена – Евлампий, Филипп, Лёса, Роман и много других, уже и не вспомнишь. 19-20 век, заволжские леса, глубинка России.

Здравствуйте мои дорогие
юна нина витя и надя ниско
Ты ниско Клякьюс всем понис
Колу ты локу а дорогалу

нашлу сыночку милоче
и досвиданя и досвиданя
и делюто крепко милый сынок
досвиданя витя. вице поа доав
даня придегсди ешл
встятитя витини
писки на бабички

хочу те перислат хороче
здоровя послужит славою
лутно и вернутя дошоа
досвиданя

Про родителей и про детство

Отец рассказывал: пришел из армии (служил срочную 3 года на Кольском полуострове), устроился на работу в районный центр Семенов в автохозяйство, сел за баранку автобуса, поехал и заплакал. Даже обычного костюма и того нет. Он плакал, а автобус с пассажирами ехал в пургу по бездорожью от деревни к деревне и где-то там в сугробах завалился на бок.

Мама тогда, семнадцатилетней, переехала из деревни Богоявление в деревню Дьяково, что рядом с городом, и устроилась на работу продавщицей в магазин. Дело в том, что в районной больнице лежал её брат Василий Коротин. Нырряя в речке, он сломал позвоночник, за ним нужен был ежедневный уход. В деревне у маминого брата оставались жена и маленькая дочь Римма.

Помните у поэта Бориса Корнилова, написавшего «нас утро встречает прохладой, нас ветром встречает река, кудрявая, что ж ты не рада, веселому пеню гудка», или «я родился в деревне Дьяково, от Семенова полверсты»? Когда папа провожал маму, ещё невесту, до деревни Дьяково в поле его окружили пацаны, которые тоже любили маму. Стали бить. Он вытащил нож с обломанным лезвием, одного подрезал, другие разбежались. Папу потом разыскивали с милицией, но обошлось. Так вот в этих «полверсты» всё тогда и случилось – папа завоевал маму. Их не хотели расписывать, маме

ещё не было восемнадцати. Расписали первого февраля, через девять месяцев родился я.

Самый большой подарок мы получаем от родителей, они нам дарят жизнь, передают гены предков. С генами, с последующими воспитанием и учёбой передается многое, мы даже этого не осознаём.

Впервые своё «я» осознал в деревне Богоявление. С тех пор доступны воспоминания, расскажу о первых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.